

реплика

Вася Матарский

За Державина обидно!..

*Я не скрываю, я не хочу быть слишком скромным,
я горд тем, что в этом году получил эту премию!*
Из интервью М. Тузова, лауреата Державинской премии.

97

И всем вам добра ночь!

Из тех, кого родила казанская земля, Гавриил Романович Державин, пожалуй, самый известный в России. Поэтому-то и премия его имени – особенная. Тем боле в год 270-летия поэта. Кстати, молодые почему-то думают, что стихи его архаичны и трудночитаемы, но это заблуждение. Это вам не Третьяковский или Кантемир! Послушайте, как игриво и свежо звучат вот эти строки...

**Хмель как в голову залезет,
Все бегут заботы прочь;
Крез с богатствами исчезнет,
Пью! – и всем вам добра ночь...**

(«Хмель», 1802)

И, боже, как коряво, тяжеломерно (ну, как ползущий товарняк, гружённый чугунными болванками!) читаются стихи нашего казанского современника Михаила Тузова:

**Полнации в синдроме абстинентном,
А проще, с «бодуна» иль «похмела».
И в этом состояньи перманентном
Нас водка, как метлою, подмела.**

**Течёт её поток неумолимый,
Всё больше подмывая берега,
И вслед за жаждой, в нас неутолимой,
Миазмом преисподней перегаз.**

(«Эпикриз», 2005)

Вот ещё для полноты картины – из него же...

**Эстетству в стихе не радею,
Изяществом рифм не грешу,
От стонов метресс не балдею
И стансов для них не пишу.**

**Кой ляд мне влезать в лесоблудье
Силлабо-тонических схем,
Коль дарит округа подспудье
Сюжетов разрывных и тем.**

**Поэзия прёт выше крыши
Без слёзно-сопливых эклог.
Самих фригантин лишь колышет
Бермуднозанудный их слог.**

(«О женской поэзии», 2005)

В этих четверостишиях Тузов, как нарочно, собрал всё, чем славится графомания, тут вам и безвкусица, и выпендрёж, и занудность, и глупость. Просто «чистой слезы» образец! Я даже теряюсь, как это называть? Стихами? Но ведь это неправда. Словооблудие! – будет точнее.

Недавно нашёл у Аксакова про его встречу с Державиным:

«Дарья Алексевна, несколько встревоженная, весьма учтиво и ласково сказала мне, что муж её нездоров, что он провёл дурно ночь, что у него сильное раздражение нерв и что духтор приписывает ему покой. Дарья Алексевна умоляет меня несколько времени не ходить к больному или ходить, но не читать под каким-нибудь

предлогом. Я сейчас же почувствовал, что всё это совершенно справедливо. Я вспомнил, какое изнемождение выржалось на лице Державина после наших, иногда долгих, дообеденных или вечерних чтений. Мне стало совестно, и я покраснел до ушей».

(Сергей Аксаков.
«Знакомство с Державиным»)

Какими бы пятнами пошло лицо поэта, прочти ему что-нибудь своё капитан в отставке Тузов? Уж Державин церемониться не стал бы (всё-таки прямой и бесстрашный был человек) запустил бы канделябром, залепил уста его воском, подпалил ему нимб. Тузову просто повезло, что Державин встать не может...

Но фантазия моя живописует! Вижу, как останавливается запылённый экипаж прямо во время церемонии награждения в Лайшеве, в тот самый момент, когда венки из лаврушки водружают на голову Тузова. Венки висят в воздухе. Речи обрываются на полуслове. Все ждут. И тут дверца распаивается, и на родную землю сходит сухопарый поэт в красном камзоле и парике. Первым делом он спрашивает лауреата: «А где тут, братец, нужник?» После, выхватив из рук лауреата стихи, бредёт в «будку уединения».

Пустота вползающая

Случилось то, что случилось. В год 270-летия нашего великого земляка Г. Р. Державина лауреатом премии его имени стал М. Тузов. Это грустно. Надо выпить водки, ведро. Был бы жив Гаврила Романыч, тогда бы выпили – два! На наших глазах произошла девальвация дорогой и престижной литературной премии. Даже если кончились таланты на казанской земле, и некому её было давать, так и сказали бы: «В этом году премия Державина вручаться не будет!» Такая практика существу-

ет в мире. Надо признать, графоманы давно приглядывались к этой премии, облизывались, и вот выложили свой главный козырь – Тузова, и тотчас настоящие поэты услышали треск глубоко в земле. Это Державин в гробу перевернулся! Кто будет следующим лауреатом? – даже страшно предположить. Падать-то дальше некуда – под плитусом только прусаки остались.

Но, что поделать, случилось... Однако я как Вася-неверующий всё должен пощупать. Убил время, полистал-таки его книжку с подростковым названием «Грачи в ночи», за которую он и получил Державина. Среди всякого зарифмованного хлама нашёл всё же три «золотые» строчки, отлично подходящие в эпиграф к «поэзии» самого Тузова:

**И резинкой его не сотрёшь ты с листа,
И в стакане его не утопишь никак,
И вползает за ним внутрь тебя пустота...**

Вещдоки графомана

Тузова даже критиковать не надо, его стихи сами себя критикуют. Это улики, избличающие с головой нашего теперь уже прославленного «поэта».

**Мы не привыкли слишком пышно
Армейский праздник отмечать,
Вот выходной добавлен лишний,
А нужен он бойцу?.. Как знать!..
Вот если б в танки депутатов,
А всех чиновников на флот,
А руководство аппаратов
Послать крепить границ оплот...
Пусть хоть один денёк февральский
Бесплатно задницы встряхнут,
Ну, а солдаты, мало-мальски,
От службы тяжкой отдохнут:
Попарятся в духмяной баньке
С чайком и чаркой в красный день,
Сгоняют к девкам на свиданки,
Поспят подольше, теша лень...**

(«Ко Дню защитников Отечества»)

Для армейской стенгазеты, оно, конечно, пойдёт. Да на юбилее какого-

нибудь полковника можно пьяным мухам почитать, но называть это стихами!.. Обидно даже отдавать под такие перлы чистую бумагу. Ну, разве что с пользой, пусть молодые видят, как *не надо* писать! Они ведь самые уязвимые. Ещё подумают, что стишки лауреата Державинской премии это эталон высшей поэзии! Фу-ты ну-ты...

Жаль мне вечер, потраченный на Тузова. Недоумение испытал я от прочитанного. Потом стыд. Стыд даже не за Тузова (нехай себе они пишут!), а за нашу бедную Казань. Теперь ведь что начнётся? Окрылённый Тузов пойдёт валить свои стишки и заваливать ими редакции. И его будут печатать. Как же – лауреат! Он станет подписывать свои томики налево и направо, метя, конечно, в именитых литераторов, которые окажутся в Казани проездом. Ведь отныне он им собрат по перу! А их на мякине не проведёшь. Их эта галиматья очень даже порадует. Они друг другу стишки Тузова перечитывать станут и

похихикивать, нет, не над Тузовым, а над Казанью!

А Тузову теперь никакая критика не страшна. Эта премия ему как щит волшебный. Ему скажешь: ну, как же вы так пишете, товарищ дорогой, прямо как левой ногой? Это же чистой воды графомания! А он тебе: что? Какая графомания? Я – лауреат!

А что же это тогда?

*Прочь, буйна чернь непросвещённа
И призираемая мной!*

Г. Р. Державин

В каждом российском городе есть литературные кружки, которые ещё называют студиями, объединениями, сокращённо – ЛитО. Иногда они носят имя какого-нибудь местного классика. Раз в неделю здесь собираются поэты

**на злобу дня:
интернет-версия**

за державина обидно!..

и прозаики, чтобы почитать друг другу свеженькое, обсудить, покритиковать, но только очень мягко и нежно. Обижать здесь не принято! Время от времени собравшиеся скидываются и устраивают чаепитие с домашними пирогами. Обходительность их общения напоминает «старосветских помещиков», тем более что и возраст соответствующий – «пензионерский». Писать стихи или прозу – это их любимейший досуг, такой же, как, например, танцевальные вечера «Кому за шестьдесят» или мастер-класс японской икебаны. Хотя – нет, ходить в ЛитО и именовать себя писателем – круче! Между нами говоря, никакие они, конечно, не писатели, а просто люди «пописывающие» себе в удовольствие. Хорошие, добрые, уважаемые в своей области: врачи, военные, учителя, инженеры и т. д. Никто не может им запретить писать, собираться и вообще – культурно проводить время. И пока это остаётся на уровне «стенгазеты», то не представляет никакой угрозы обществу, но стоит только кого-то из них поощрить, вознести... Всё, кричи «караул!» Беда пришла в культуру.

Помнится, когда ещё был жив Марк Давидович Зарецкий, то он из руководимого им ЛитО гонял этих графоманов, как собак паршивых. Ходил одно время к нам такой классический земский врач с бородкой по фамилии П-ский. Милейшей души человек... в футляре. Когда хотели сказать, что N или S написал плохие стихи, то студии говорили:

«Не хуже, чем у П-ского» или «Ученик П-ского!» Я даже запомнил одну строчку из его поэмы «Фотограф»:

Я – вор, я твою улыбку спёр!

Не пропускала ни одного занятия и женщина послебальзаковского возраста Света Р-ская. Раскусив её на первом же занятии, Марк Давидович лишил поэтессу слова на все остальные – «вплоть до конца света!» Но она сама была, как благоуханный венок сонетов, одевалась в какие-то бутафорские юбки чуть ли не из спектакля «Турандот», громоздила на голове банты и даже зимой обмахивалась веером. Эти двое веселили поэтов и самого Марка. Он обкуривал их злыми папиросами, они чихали, но терпели, влюблённо глядя ему в глаза.

Михаил Тузов появился в ЛитО чуть позже. Помню, почти сразу же из уст в уста среди нашей братии поплыла такая история. Пришёл, мол, Тузов на заседание ЛитО, достал свои листочки и начал «бу-бу-бу». Зарецкий послушал терпеливо минут десять и высказал своё мнение: «Это ещё не стихи и даже не руда, из которой они делаются». – «А что же это тогда?» – опешил Тузов». Марк Давидович затыкнулся своей «беломориной» и вместе с колечком выдохнул: «Г-но!»

И мне кажется, когда Тузову давали премию, то вместе с Державиным ещё один человек в гробу перевернулся. Это – Зарецкий.